

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД

22 июня. Брестская крепость

*Засияют окна в каждом доме,
Патефон послышится вдали...
Не печалься: все вернется – кроме
Тех солдат,*

что в смертный бой пошли.

Дмитрий Кедрин. 1942

Помню женщину, поделившуюся со мной, малознакомой девчушкой, своей историей – в последние мирные дни июня 41-го вышла замуж, молодой муж уехал на место службы в Брест, и она должна была на днях отправиться к нему, но началась война, жизнь рухнула, они никогда больше не встретились. Спросить фамилию погибшего я по юношескому легкомыслию не догадалась, не думала тогда, что запомню этот рассказ на всю жизнь...

Мысленно возвращалась к нему в путешествии по Белоруссии, которое было организовано фондом «Мир ради жизни». Началось оно в Москве у знакомой всем нам Могилы Неизвестного солдата, на Поклонной горе с церетелевской стелой, которую ироничные москвичи называют «распятой мухой» (богиня победы Ника на высоте более 120 метров, действительно, выглядит как упавшая на спинку муха). Многие в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе показалось помпезным. Например, миллионы хрустальных подвесок на потолке одного из музейных залов, которые должны олицетворять слезы матерей. Но как-то военные беды плохо монтируются в сознании с хрусталем.

Были и маленькие личные открытия. На Новодевичьем кладбище поразило скромное надгробие Сергея Сергеевича Смирнова, автора книги «Брестская крепость». Бюст стоит на гранитном постаменте, из пробоин на камне выглядывают лица героев писателя – защитников Брестской крепости.

Ведь и в самом деле Сергей Смирнов будто снял патину с памяти: открыл для нас подвиг защитников Бреста. Как это произошло? Фронтовой журналист С.С. Смирнов случайно услышал разговор о солдатах, оставшихся в тылу врага и до конца продолжавших свой безнадежный бой. Стал собирать материалы, искать тех, кто выжил. И они нашлись: ранеными попали в плен. Эти люди жили после войны с клеймом сдавшихся в плен, прошли унижительные проверки, сталинские лагеря. Многие так и оставались не реабилитированными. Смирнову удалось сначала в радиопередачах, потом в телевизионных программах и в книге, изданной в 1957 году, показать, насколько жертвенной и героической была оборона Бреста. Гитлеровцы рассчитывали взять крепость к полудню 22 июня, но перестрелки в крепости продолжались до середины августа...

Многие герои Брестской крепости так и остались безымянными. Как вспоминали фашисты, по ночам из подвалов как тень выходила лохматая женщина в обрывках одежды, зато стреляла она без единого промаха (враги называли ее Кудлатая, писали в дневниках, как ее боятся). Но большую часть героев

Я родилась в знаменательный, но тяжелый день – в день начала Великой Отечественной войны. Всегда мне было интересно, как этот день вспоминают те, кто жил в военные годы, когда меня еще не было на свете. Рассказывали разное, но всегда печальное: «в этот день закончилось детство...», «в этот день потерял надежду на счастье...», «в этот день началась череда потерь»...

Смирнову удалось вывести из тени забвения – он вернул защитникам крепости честное имя. Брест стал городом-героем, а чудом выжившие получили и заслуженные ордена, и народное признание.

Рассказываю об этом потому, что после 1964 года о книге Смирнова стали забывать. Кто-то из защитников Бреста поступил не так, как нравилось начальству. Потребовали, чтобы автор «Брестской крепости» исключил из книги несколько имен. Он этого не сделал и сам попал в положение своих забытых героев: книгу не переиздавали почти 30 лет.

Я и раньше бывала в Бресте, видела то, что и все туристы. На этот раз побывала в потаенных уголках крепости. Была, например, на острове Пограничном, где приняли первый и последний бой сражавшиеся за каждый метр земли курсанты автороты. Фашисты уже рвались к Москве, а они, рядом с рекой, но без капли воды, продолжали

отбивать атаки, следовавшие одна за другой. Сегодня овраги, пересекающие остров, заросли хмелем; синие и желтые цветы пробивались сквозь бетон, демонстрируя жажду жизни; оглушительно пели птицы; холодом охватывал воздух подвалов, в которых укрывались пограничники, – трудно поверить, что этот радостный мир так легко уничтожить.

Холодной ночью мы, натянув на себя все, что было в сумках, отправились на митинг-реквием. По дороге наблюдали за сценками, напоминающими о последнем мирном вечере в Бресте. Где-то танцевали под патефон, где-то пели, пограничники тренировали собаку. Сценки выхватывались из темноты, поэтому не все было сразу понятно. Когда собака накинулась на своего соответствующе экипированного тренера, мальчик (из толпы шедших на митинг) бросился его спасать, а кинологи кинулись спасать спасателя. Закончилось все благополуч-

но (собака, как часто бывает, оказалась мудрее людей), но те, кто любит ругать молодежь, успели подивиться самоотверженности парнишки.

Митинг проходил на площади под нависающей тенью мощной скульптуры «Мужество» – крупнейшей головой солдата, бросавшегося в последний бой (автор – Александр Кибальников). Читала, что американцы, любители рейтингов, называют этот памятник «самым уродливым в мире». Смирнов рассказывал однажды, как редакторы книги вычеркнули характерную деталь. Многие защитники Брестской крепости бились с врагом в подштаниках, они просто не успели одеться, когда тишину ночи разорвало внезапными взрывами. Война, настоящая, не из боевиков, – не красива. Мне памятник показался выразительным символом настоящего мужества.

Российские участники акции «Мир ради жизни» сидели на митинге почти рядом с патриархом Московским и Всея Руси Кириллом. Патриарх выступал потрясающе. Впервые поняла по-настоящему, насколько бедным может быть телевидение. Те клочки, которые были показаны, никак не передают впечатления: он захватил всех, кто сидел и стоял на площади, будто объединил под своим крылом огромную массу людей (называют разные цифры – на митинг пришло от 12 до 15 тысяч). Патриарх говорил о личном переживании: здесь, под Брестом, пропал без вести, – а значит, погиб, – его дядя. Говорил о народной исторической памяти, не имеющей национальных границ...

«22 июня, ровно в четыре часа...», – эти слова в памяти каждого. В Бресте ровно в четыре часа раздался звук метронома, вынесли знамя, так и не доставшееся врагу, в 50-ые годы вырытое из земли защитниками крепости. Были и голуби, и белые шары на фоне темного неба, и свечи, плывущие по водам Буга, и длинные гирлянды цветов, которые несли к подножию монумента – программа митинга была краткой, но эмоционально наполненной.

Через стелящийся утренний туман мы отправились на поле, где ожидалась реконструкция событий первых дней войны. Взрывы, которых ждали, все равно оказались внезапными и страшными...

Ребята из разных районов Подмосковья, участники военно-патриотических клубов и победители разнообразных «мирных» конкурсов, которые участвовали в проекте «Мир ради жизни», плакали, глядя на трагические эпизоды защиты крепости.

Моему поколению память о войне генетически передали отцы и деды. Но в следующих поколениях память о жертвах народа на войне стирается. Присказка моей бабушки: «Только бы не было войны», – воспринимается многими теперь с насмешкой. Школьники плакали, глядя на бои, на невероятную стойкость защитников Брестской крепости, писавших на ее стенах: «Умираю, но не сдаюсь». Значит, не забудут...

Продолжение следует...

Ольга Авдеева